

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА У Д. РОСТОВКА

Ю. И. Михайлов

THE METALLIC INVENTORY OF ROSTOVKA CEMETRY

Yu. I. Mikhailov

Основное содержание статьи посвящено результатам исследованиям декоративного оформления топоров – кельтов, наконечников копий и ножей могильника «Ростовка». Metallurgs Rostovka used high bronze skillfully. United groups of metallurgists were connected with centres of metal production. The phenomenal sign of this centre is geometry ornaments, which are evidences of another phenomenal sign – a painting school.

This article is devoted to the results of investigating the ornament of celt-axes, spearheads, daggers and impressive sculptures of Rostovka cemetery. The metallurgists of Rostovka used high bronze skillfully. United groups of metallurgists were connected with centres of metal production. The phenomenal sign of this centre is geometry ornaments, which are evidences of another phenomenal sign – a painting school.

Ключевые слова: сейминско-турбинский феномен, топоры – кельты, наконечники копий, ножи, скульптурные навершия.

Keywords: Selyma-Turbino phenomenon, celt-axes, spearheads, daggers, impressive sculptures.

В обобщающей работе, посвященной проблеме сейминско-турбинского транскультурного феномена, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых сочли целесообразным использовать понятие «центр металлообработки». Его материальным выражением предлагается считать «компактный комплекс типологически и химически своеобразного металла, включенного в рамки одного могильника». Кроме того, предполагается, что производство в рамках центра металлообработки могло быть связано с деятельностью мастеров какой-либо конкретной (племенной, клановой) группировки, оставившей тот или иной крупный некрополь. Наряду с этим допускается возможность существования двух и более центров металлообработки, выделяемых на основании инвентаря различных могильников или же группировок погребальных комплексов в составе одного могильника. Продукция мастеров, принадлежавших к одной структурно организованной группе, практически не расходилась за ее пределы и оставалась в кругу тесно связанных между собой людей [14, с. 216].

Предметом исследования в настоящей публикации стали материалы могильника у д. Ростовка, совокупность металлических изделий которого, как считают Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, позволяет говорить о существовании центра металлообработки. Прежде чем перейти к непосредственному анализу ростовкинских металлических изделий, считаем необходимым отметить два весьма существенных положения. Авторы допускают известную свободу в толковании «центра металлообработки» как социокультурного феномена. Это либо вся совокупность погребальных комплексов отдельного могильника, либо группировки погребальных комплексов в пределах некрополя. В частности, как считают исследователи, клановыми группировками оставлен Турбинский могильник. Кроме того, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых предполагают, что, исходя из особой «общественной психологии», сейминско-турбинские племена охотно включали в свою культуру элементы иных культур и в то же

время фактически ничего не передавали из своих основных достижений – оружие, сплавы, технологии. В перечень «этнического оружия», которое не передавалось инкорпорантам и аборигенам, входили наконечники копий с вильчатым стержнем, кельты и кинжалы с металлической рукояткой. Табу на использование подобных изделий было столь могущественным, что остановило даже тех, кто разорял могилы Ростовки [14, с. 274, 275]. Представленная в работе классификационная схема металлических изделий сейминско-турбинского круга на данный момент остается достаточно продуктивной. В соответствии с предлагаемым классификационным подходом Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых выделили конечные типологические разряды (КТР) на основании данных химико-технологического анализа, морфологических особенностей отдельных категорий изделий и специфику их орнаментального оформления. С учетом абсолютного преобладания оловянных бронз в ростовкинских комплексах, нас непосредственно будут интересовать последние два критерия, а точнее, те случаи, когда они выступают в качестве взаимосвязанных признаков.

В составе всей серии металлических предметов из могильника «Ростовка» обращают на себя внимание находки, демонстрирующие специфический прием декоративного оформления полукруглого ушка валиками. Существенно, что этот прием не встречается в западных памятниках сейминско-турбинского круга, но является общим для ростовкинских изделий, относящихся к различным типологическим разрядам. Так, в частности, ушки всех ростовкинских копий орнаментированы валиками, хотя эти изделия имеют конструктивные различия, в частности, связанные с наличием или отсутствием крюка. В составе планиграфически выраженных вещевых комплексов могильника копья обнаружены вместе с кельтами, некоторые из которых также имеют сходный прием оформления ушка. Так, под останками коллективного захоронения в мог. 8 найдено три предмета: одноуш-

ковый кельт (ушко без отверстия, отлито не полностью и покрыто валиками), вильчатый наконечник копья с «крюком» и ушком, оформленным валиками. Еще один вильчатый наконечник копья из этого комплекса снабжен двумя ушками со сходной орнаментацией [8, с. 16, рис. 18 – 1, 2, 5]. Отметим, что материалы могильника свидетельствуют о местном изготовлении вещей с рифлеными ушками. На восточной кромке могилы 21 обнаружено скопление литейных форм, две из которых предназначались для изготовления кельта с рифленным ушком [8, с. 30, 31, рис. 38 – 1, 3, 4].

Наличие двух ушек на втулке наконечника копья из мог. 8 – достаточно редкая морфологическая особенность, сближающая эту находку с литейной формой для наконечника копья, которая была обнаружена на Иртыше. Относительно последней предполагается, что первоначально было вырезано одно гнездо для ушка (гладкого?), а затем, после поломки первого, правое ушко [14, с. 72, рис. 36 – 4]. Негатив правого ушка, судя по рисунку, украшен характерными насечками. Более узкое перо иртышского наконечника имеет вытянутые пропорции. Копье с «крюком» из мог. 8, по классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, относится к разряду КД – 10, который представлен преимущественно ростовкинскими экземплярами, а также наконечником с р. Чарыш. Вильчатый наконечник копья с р. Чарыш имеет ушко, украшенное насечками и крюк – багор с «рифлением» по контуру. От классических сейминско-турбинских наконечников он отличается более узким пером [3, с. 65, 66, рис. 151 – 2]. Рифленое ушко имеет еще один вильчатый наконечник с узким обломанным пером из Западной Сибири [14, с. 32 – 4].

Форма для отливки кельта с рифленным ушком из комплекса у мог. 21 была включена в разряд К – 20, как и литейная форма для кельта с Иртыша. На негативе ушка иртышского экземпляра имеются характерные «насечки». К этому же разряду был отнесен кельт из урочища «Зарни-Яг» (Коми), который также снабжен рифленным ушком [14, рис. 17 – 4; 18 – 2, 5]. Интересующий нас морфологический признак (рифленое валиками ушко) сближает ростовкинскую и иртышскую литейные формы с кельтами, снабженными двумя ложными рифлеными ушками из Кижирова и Косихи. Но еще больший интерес представляет форма для отливки кельта из Самусь IV, у которой негатив ушка имеет насечки [14, рис. 78 – 3 – 5]. К этому же типологическому ряду относится створка литейной формы для кельта с ложными орнаментированными валиками ушками с поселения Танай – 4, исследованного в Кузнецкой котловине [2, с. 78, рис. 2]. Характеризуя морфологические особенности самульско-кижировских топоров – кельтов, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых указали на трансформацию деталей конструктивных в декоративные. Исследователи специально отметили, что традиционно подобная особенность рассматривается как признак хронологический. Ложные ушки топоров-кельтов в сочетании с еще достаточно очевидными ребрами по краю фаски и орнаментальными узорами сейминско-турбинского типа свойственны изделиям переходных типологических разрядов [14, с. 147].

Узкое длинное перо наконечников копий, по общему мнению специалистов, – более поздний хронологический признак, отличающий данную категорию изделий от собственно сейминско-турбинских бронз. В связи с этим существенно мнение о том, что длинный наконечник с очень узким пером, обнаруженный южнее Омска имеет ушко в виде фигурки хищника кошачьей породы [14, с. 67]. Если рассматривать данную конструктивную и декоративную особенность в общем контексте, то специфическая разделка фигурки животного (ее поверхность покрыта углубленными линиями – нарезками) вполне соответствует декоративному приему (ушко, украшенное «валиками»), представленному на ростовкинских и самульско-кижировских изделиях. Есть все основания допустить, что разделка поверхности выступала как технико-стилистический прием для передачи волосяного покрова изображенного животного. С учетом этого разделенные на пряди гривы лошадей на выгнутообушковых ножах из Ростовки и Сеймы также можно рассматривать как один из вариантов проявления общего декоративного приема. Об этом же свидетельствуют ножи со слабо выгнутой спинкой обушка из Елунино и Усть-Муты [3, рис. 150 – 1, 4]. У этих изделий навершия рукоятей в виде конских голов с разделенной на пряди длинной гривой образуют композицию в виде полукруга, которая имеет соответствия в культурно и территориально близких выгнутообушковых ножах из мог. Цыганкова Сопка. У последних кольцевидные навершия рукоятей орнаментированы валиками [3, с. 62, 63, рис. 119 – 1, 2]. С ростовкинскими рифлеными ушками елунинские изделия объединяет существенная, в данном случае, технологическая особенность – декоративная разделка валиками была изначально заложена в негативах литейных форм. Навершия из Ростовки и Сеймы, а также фигурка животного на втулке омского наконечника копья, демонстрируют использование этого декоративного приема на восковых моделях.

Изложенные наблюдения позволяют сформулировать направление поиска, связанное с определением статуса сложных и элементарных декоративных форм. Между орнаментированными ушками и их ложными подобиями с тем же декором, следуя общей логике, должно видеть преемственность и различие хронологического порядка. В то же время вероятное соответствие между лошадиными гривами и рифлеными кольцевидными навершиями собственно сейминско-турбинских типов ножей представляется не столь однозначным и очевидным. По этой причине приведем следующие наблюдения. Так, например, манера рельефного изображения конской гривы на навершии ножа из Ростовки композиционно сочетается с рифленным ободком «постановочной площадки» и орнаментированной валиками рукоятью, что вполне соответствует общему декоративному приему, представленному на бронзовых изделиях этого могильника. Согласно тщательному анализу, проведенному И. В. Ковтуном, разделенная на пряди грива обозначена только с левой – «лицевой» стороны композиции, причем самым «прямым» задана декоративная строго радиальная проекция [4, с. 139, 140]. На наш взгляд, это *радиальное* расположение прядей вполне точно

соответствует декоративному оформлению полукруглых ушек наконечников копий и кельтов рельефными валиками. Что же касается различий в декорированных композициях на одном и том же изделии, то это общее свойство сейминско-турбинских бронз особенно явно выраженное на фасках кельтов [1, с. 106]. Показательно, что на втулке одного из ростовкинских копий (мог. 33) одну из сторон украшал пояс из трех валиков, а другую оформлял только один валик [8, с. 69]. По нашему мнению, ребристые гривы лошадей, рифленые ушки кельтов и копий, а также округлые навершия ножей, украшенные валиками, демонстрируют различные варианты единого декоративного приема в рамках сейминско-турбинской традиции.

Вместе с тем необходимо отметить, что рельефные гривы конских головок на алтайских ножах контрастируют с гладкой гривой конской головы на каменном жезле из предположительно культурно родственного комплекса у пос. Шипуново [3, рис. 127]. Подобно тому, как гладкие гривы парных конских фигурок на выгнутообушковом ноже из окрестностей Омска [10, рис. 14, 15] отличают их от изображений на ростовкинском и сейминском ножах. Наконец, «прорезная» грива на конноголовом втульчатом навершии вообще не имеет пока аналогий [10, рис. 19]. Гладкие и разделенные на пряди гривы – иконографические варианты, которые, вероятно, существовали синхронно. Во всяком случае, парные фигурки лошадей на андроновских сергах из Чесноково – I и Мыншункур демонстрируют параллельное бытование рифленого и гладкого оформления конской гривы.

Перечисление тех или иных иконографических соответствий для скульптурных миниатюр в металле и камне может быть продолжено, но и без этого очевидна еще одна актуальная проблема. Мы имеем в виду культурно-хронологическое соотношение каменных и металлических изображений в вещевых комплексах лесостепной зоны юга Западной Сибири в эпоху бронзы. В рамках настоящей публикации она, разумеется, не может быть решена, но попробуем обратить внимание на следующее. Каменные антропоморфные миниатюры и предметы с фаллическими изображениями из пос. Самусь IV имеют рельефное оформление в виде «валиков», которое, что весьма существенно, можно рассматривать как технико-стилистическую особенность. Рельефные валики украшают навершие одного из жезлов шипуновского комплекса каменных изделий [3, рис. 129]. На наш взгляд, подобная манера оформления объемных изображений из камня обнаруживает сходство, а вероятнее всего, культурную близость с декоративными приемами на бронзовых изделиях Ростовки и из комплексов елунинской культуры.

Чтобы избежать упрека в формальном подходе к анализу художественной металлопластики и, в частности, в абсолютизации такого признака, как украшенное валиками ушко изделия, обратим внимание на следующую особенность. На негативах створок литейной формы для топора-кельта из ростовкинской мог. 21 ушко с валиками композиционно соединено с пояском, который оформляют две цепочки мелких треугольников обращенных вершинами друг к другу. Предполагается, что в этой литейной форме отлива-

лись кельты подобные тому, что был найден в квадрате Д – 18. Кроме того, в квадрате Ж – 20 найдены три обломка литейной формы для кельта с аналогичным пояском по негативу втулки [8, с. 75, рис. 38, 52 – 1]. Кельты с подобной орнаментацией нам неизвестны в других сейминско-турбинских памятниках. Что же касается ростовкинских изделий, то на фотографии ножа с конем и лыжником сделанной, И. В. Ковтуном, просматривается один из участков рифленой поверхности ободка рукояти, оформленный треугольными насечками [4]. Весьма отчетливо подобная цепочка треугольников, обращенных вершинами вверх, сходным образом декорирует ободок навершия рукояти ножа с парными фигурками лошадей из окрестностей Омска. Кроме того, рукоять этого ножа украшена еще двумя вертикальными цепочками треугольников обращенных, вершинами друг к другу [10, рис. 15]. Аналогичный декоративный прием представлен на рукояти одного из ножей с рифленным кольцевидным навершием из елунинского могильника «Цыганкова Сопка» [3, рис. 119 – 1]. Два горизонтальных пояса, оформленных цепочками мелких треугольников обращенных вершинами друг к другу украшают костяное навершие из окрестностей с. Победа (Верхнее Причумышье), которое авторы публикации уверенно соотнесли с кругом елунинских древностей [6, с. 117, рис. 3 – 1]. Таким образом, орнаментальные пояски, составленные цепочками мелких треугольных зубчиков еще один специфический декоративный прием, характеризующий сейминско-турбинские бронзы Среднего Иртыша и лесостепного Алтая.

Судя по имеющимся данным, рифленый, или зубчатый, контур округлой объемной формы выступал как художественно-семантический прием, который был присущ целому кругу синхронных культурных традиций первой половины II тыс. до н. э. В частности, особо выделим композицию на роговой пластине подковообразной формы из мог. «Стрелка». Примечательна поза «бегущих» животных и их расположение на пластине по условному замкнутому кругу. По мнению Д. Г. Савинова, заполированная сторона пластины (с нагибом влево) является лицевой [11, с. 115 – 117, рис. 3]. Автор находки специально отметил прием передачи зубчиками «взъерошенной шерсти», что вызывает ассоциации со стоящей гривой лошади на ноже из Ростовки, которая, как уже отмечено выше, рельефно передана с левой – лицевой стороны.

Прием адаптации морфологических особенностей вещи из чужого культурного арсенала Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых усматривают в одном из ростовкинских ножей [8, с. 23, рис. 28]. По мнению специалистов, нож был отлит из оловянной бронзы, видимо, на месте, но по чужеродной модели [7, с. 194]. В связи с этим сошлемся на металлический кинжал из Галичского клада, рукоять которого завершается змеиной головой с открытой пастью. Для этого изделия О. В. Кузьмина предположила «турбинское литье» и «абашевский сюжет» [5, с. 100]. Художественные приемы оформления ростовкинских бронз демонстрируют не только внутреннее единство, но и тесные связи с особенностями древнего изобразительного творчества лесостепной зоны Западной Сибири. Эти связи в каждом конкретном случае выступали как за-

имствование, адаптация или, напротив, культурное влияние. В бронзовых изделиях из могильника «Ростовка» представлены изобразительные приемы декоративной разделки поверхности, которые, с учетом их присутствия на негативах литейных форм, судя по всему, принадлежат к ремесленной традиции населения, оставившего этот памятник. Вполне вероятно, что это население имело смешанный состав. Но, несомненно то, что за производственной традицией Ростовки стояло какое-то специализированное объединение. Поэтому, применительно к особенностям декоративного оформления ростовкинских бронз, можно использовать понятие *«изобразительная школа»*. Разумеется, его использование носит в известной мере условный характер, но отметим следующее. Применительно к сейминско-турбинским декоративно оформленным бронзам можно говорить о том уровне культурного развития, в рамках которого художественное производство (вещей) еще не стало производством искусства. Отливка художественных форм выступала как одно из умений наряду с плавкой металла, отливкой и ковкой изделий утилитарных. Однако, поскольку центр металлообработки был связан с деятельностью тесно организованной (специализированной) группы мастеров, которые разработали и практиковали общие технико-стилистические и декоративные приемы, то, следовательно, изобразительное творчество подобного корпоративного объединения вполне соответствует содержанию термина «школа».

В одном из своих специальных исследований согдийских серебряных изделий Б. И. Маршак указал на то, что сходство в малозаметных приемах выполнения деталей и целых образов достаточно надежно позволяет относить вещи к произведениям мастеров с традицией, восходящей к общим учителям, т. е. мастерам одной школы. В таких приемах сильна формальная сторона и менее всего сказываются представления заказчиков. Наиболее четко формальная сторона выступает в трассировке линий и разделке поверхностей [7, с. 16, 17]. Даже если предположить, что изделия сейминско-турбинских типов предназначались для весьма узкой сферы потребления, то это еще не означает, что отсутствовал социальный заказ как таковой. Несомненно, сама традиция декоративного оформления престижных изделий скульптурными изображениями была определена именно внешними по отношению к ремесленному производству требованиями. В то же время малозаметные на первый взгляд декоративные приемы могли быть связаны с предпочтениями непосредственных производителей. С их «фирменными» технико-стилистическими приемами.

Декоративные валики на ушках и цепочки треугольных зубчиков на конструктивных деталях бронзовых изделий были лишь эмблематическими особенностями традиции ростовкинской «школы», за которой стоит более глубокое содержание. В рамках этого круга мастеров осуществлялась творческая переработка художественных образов в духе культурно-исторических реалий сейминско-турбинского хронологического горизонта.

Ростовкинская изобразительная «школа» — явление не уникальное для времени коренных перемен не

только в технологической сфере, но и в самой организации производства, в том числе производства художественного. Иконографический канон и серийность орнаментальных и иных изобразительных образов (ср. ножи из Елунино-I и Усть-Муты) специфически окрашивают художественную практику в новых исторических условиях. На юге Западной Сибири технологии, связанные с использованием оловянных бронз, могут служить важным индикатором культурных процессов. Формы для отливки кельтов с рифлеными ушками в комплексе Самусь IV свидетельствуют о местном производстве, продолжающем традицию декоративного оформления престижных изделий ростовкинских мастеров. Специализированное художественное производство могло сформироваться, вероятно, только в условиях процессов внутренней специализации в той отрасли производства, с которой оно было непосредственно связано. Но не менее важным фактором были новые формы общественной жизни и, как следствие этого, — усложнившейся потребности ритуальной сферы. В более развитых культурных традициях металлические изделия существенно потеснили другие категории ритуальных атрибутов. Там же, где вещное оформление ритуала в значительной мере сохраняло архаические черты, появление изделий из бронзы свидетельствует об усложнении и новом содержании ритуальной практики. Показательно, что среди металлических изделий черновского этапа окуневской культуры примерно половина легирована оловом [13, с. 243]. Ссылаясь прежде всего на материалы Черновой VIII, Е. А. Миклашевич предположила существование в окуневском обществе категории лиц («художники для ритуалов»), выполнявших специальную функцию — раскрашивание тел, погребальных одеяний, изваяний, плит для похорон и других ритуалов. Возможно, эта «профессия» была наследственной [9, с. 24, 25].

Характеризуя окуневскую изобразительную практику, исследователи свободно оперируют весьма емким и трудноопределяемым понятием «стиль» [12, с. 92 – 103]. Может быть, для некоторых случаев следует ограничиться менее масштабными определениями и обратиться к культурно-историческому контексту изобразительной практики. Сказанное непосредственно относится и к исследованиям, посвященным анализу «сейминско-турбинского стиля». Торчащая грива коня и круглая шапочка лыжника, безусловно, являются важными иконографическими деталями ростовкинской скульптурной композиции, но известно, что признаки, определяющие первое впечатление от предмета, путешествуют вместе с сюжетами по городам и странам [7, с. 17]. В то же время некоторые малозаметные приемы декоративной отделки, как мы попытались показать, имели несравненно более локальный характер распространения и могут свидетельствовать о зарождении и развитии изобразительных приемов, связанных с деятельностью профессионально организованной группы мастеров.

Литература

1. Бадер, О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы / О. Н. Бадер. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
2. Бобров, В. В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой Котловины / В. В. Бобров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1.
3. Кирюшин, Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд. Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
4. Ковтун, И. В. Древнейшие скульптурные изображения лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии / И. В. Ковтун // Тропой тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.
5. Кузьмина, О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.: Европейский Дом, 2000.
6. Кунгуров, А. Л. Проблемы изучения древней и средневековой истории / А. Л. Кунгуров, В. В. Горбунов // Барнаул: Изд. Алт. гос. ун-та, 2001.
7. Маршак, Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике / Б. И. Маршак. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
8. Матющенко, В. И. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска / В. И. Матющенко, Г. В. Синицина. – Томск: Изд. Томск. гос. ун-та, 1988. – 136 с.
9. Миклашевич, Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника «Лебяжье» / Е. А. Миклашевич // Вестник САИПИ. – 2003 – 2004. – Вып. 6 – 7.
10. Молодин, В. И. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) / В. И. Молодин, А. В. Нескоров // Археология, этнография и антропология Евразии. – Вып. 3 (43). – 2010.
11. Савинов, Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии / Д. Г. Савинов // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981.
12. Савинов, Д. Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) / Д. Г. Савинов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38).
13. Хаврин, С. В. Металлические изделия окуневской культуры / С. В. Хаврин // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб.: СПбГУ, 2006.
14. Черных, Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Информация об авторе:

Михайлов Юрий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, КемГУ.

Mikhailov Yuri Innokentievich – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History and Culture of KemsU.